

С. Я. Черных, Словарь марийских имен. Марий ег лумвлак мутер, Йошкар-Ола 1995. 626 с.

Словарь содержит около 16 120 марийских имен, извлеченных из самых разных источников, прежде всего из переписных книг XVII—XIX вв., хранящихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кирова, Йошкар-Олы. Кроме того, в словарь органично вошли материалы, собранные автором в разных районах Республики Марий Эл и Башкортостана.

В предисловии (с. 3—23) С. Я. Черных подчеркивает, что будучи одним из древних народов Поволжья, марийцы в течение многих веков выработали тысячи имен собственных, создав тем самым оригинальную антропонимическую систему. Источниками древнемарийских имен, по его мнению, служили мифы, легенды, предания, сказки, старинные песни, архивные документы, произведения писателей о letech минувших, память народная, топонимы, восходящие к генонимам, а также русские летописи. Подводя итоги краткой историографии вопроса, С. Я. Черных констатирует, что его словарь представляет собой наиболее обширный и объемный свод марийских личных имен со времен языческой древности до наших дней. Правда, и он не охватывает всего собранного материала. А собрано автором, как указывает в послесловии к словарю И. С. Галкин, более 20 тысяч марийских личных имен (с. 614).

В истории марийского именника автор словаря выделяет пять вех: 1) архаический (домарийский) период; 2) древнемарийский период; 3) средневековый этап; 4) переходный период и 5) новый, послеоктябрьский век.

Характеризуя первый период (с. 8—11), автор связывает его с финно-угорской и уральской общностью первобытных родов и племен, в рамках которой закладывались основы антропонимической системы протомари, получившей развитие в дальнейшем. Миросозерцание первобытных племен, как подчеркивает С. Я. Черных, состояло во всеобщем одушевлении жизненно-родственных связей с окружающей природой. В словаре широко представлены имена, компоненты которых обозначают такие понятия, как корень, ствол; стебель, стержень; зачаток, побег, росток; поросль, растение; ветка, сук, ответвление (с. 8—9). Эти

имена, по мнению автора, непосредственно восходят к мифологии уральских племен и выражают важные представления их о древе жизни, о восхождении древа нового потомства, о преемственной связи его с поколением дедов и отцов, о древе родословия и наследства, т.е. отражают процесс «ветвления» их носителей (прамари) из некоего единого корня генеалогического (уральского) рода, племени. Кроме того, целая серия антропонимов связана с названиями священных птиц и зверей — тотемов. Тотемизм, как отмечает С. Я. Черных, считается самой архаичной формой сознания членов древнейшего общества: он характеризуется верой в кровную близость определенной протомарийской родовой группы с каким-либо тотемом. Для лесной полосы Поволжья тотемными животными были лось, олень, дикий бык, медведь, кабан, волк, заяц, мышь; из птиц — утка, лебедь, глухарь, рябчик, ласточка, дрозд; из рыб — щука, окунь; из пресмыкающихся — змея (с. 10).

Антропонимия древнемарийского периода (VI в. до н.э. — VI в. н.э.), по мнению С. Я. Черных, отражает сложный процесс формирования марийской народности. Согласно общепринятому мнению, становление и развитие марийского этноса происходило на основе взаимослияния, взаимодиффузии родственных племен — прикамско-уральского (азелинские племена) и волго-окского (позднегогородские племена). Давно замечено, что в мифах, легендах и сказках марийцы обожествляют солнце, луну, звезды, воду, поклоняются небу и земле, огню и деревьям, почитают духов разных живых существ и предметов. Это нашло отражение в именах древних марийцев, напоминающих антропонимы американских индейцев (с. 11). Языческие имена этого периода богаты и разнообразны. Так, мифическое представление о животворной силе солнца породило метафорическое имя *Кечын Эрге Кечамыш* 'Сын Солнца (по имени) Кечамыш' (с. 11); имя героя легенды *Тылзе Эрге Тылчак* 'сын Луны (по имени) Тылчак' связано с поклонением Луне (с. 12); культ огня, вера в его магическую силу символизирует антропоним *Туллатыр* 'Огненный Богатырь' (с. 12). Немало имен связано с

поклонением различным деревьям, камню, железу, хлебу. Среди них целый сонм героев сказок: *Тумо Патыр* 'Дубовый Богатырь', *Кү Патыр* 'Каменный Богатырь', *Күртнө Патыр* 'Железный Богатырь', *Нөнчык Патыр* 'Богатырь из Теста' (с. 13). Арсенал имен древних марийцев, как подметил С. Я. Черных, разнообразен, живописен и поэтичен. Так, в женских именах *Окавий*, *Саскавий*, *Чачавий*, *Шылдырвий*, *Шымавий*, *Эрвий* образно и ярко отражена мысль о том, что их носительницы олицетворяют собой красоту позумента, сочность плода, яркость цветка, легкость крыльев, стройность стебля, свежесть утра (с. 18).

Средневековый этап (VII в. н.э. — середина XVI в.) — термин «этап» здесь не очень удачен, было бы точнее заменить его словом «эпоха». По словам С. Я. Черных, многотрудная судьба марийского народа в этот период была прочно связана с историей тюркских племен и народов Поволжья и Приуралья. Общась с ними с конца VII в. н.э., а может быть и раньше, древние марийцы последовательно входили в состав трех тюркских держав: сначала Булгарское государство, затем Золотая Орда, а позже Казанское ханство — вплоть до середины XVI в. Автор справедливо заметил, что эта тысячалетняя полоса в истории марийского этноса остается наименее изученной. В средневековую эпоху происходили существенные изменения в марийской антропологии, большой пласт в ней составляют теперь имена тюркского, тюркско-монгольского, персидско-арабского происхождения. Их бытование и распространение обусловлены тесными контактами марийцев с кипчаками (половцами), булгарами, монголами, татарами, ногайцами, чувашами и т.д., ср., например, антропонимы: *Копчак*, *Сювас*, *Татар*, *Цюваш*, *Цуваш*, *Ногай* (с. 18—19). Известно, что в антропонимике Волго-Камья много личных имен, общих для всех народов этого региона. Более того, уточняет С. Я. Черных, есть основание говорить о том, что в эпоху раннего средневековья в этом регионе действительно существовал тесный языковой контакт финно-угорских (марийский, удмуртский) и тюркских (чувашский, татарский, башкирский) этносов. В связи с этим резонно подчеркнуть, что тесные языковые контакты возникают при условии, когда соседствующие этносы вступают в самые разнообразные взаимосвязи — экономиче-

ские, политические, культурно-бытовые и даже семейно-брачные. Что же касается канонических имен ислама, прославляющих Аллаха, Мухаммеда и других пророков, их близких, веру в Аллаха, то в именнике язычников-марийцев, как отмечает С. Я. Черных, они заняли незначительное место.

В переходный период (с середины XVI в. до Октябрьской революции 1917 г.), после присоединения Среднего Поволжья к России в середине XVI века усилились и углубились взаимосвязи марийцев с русскими. Именно в это время, считает С. Я. Черных, возникли антропонимы, связанные с этнонимом русского народа *Руш*, которые впоследствии стали генонимами, а ныне бытуют в составе ойконимии Марий Эл: *Рушпак* и *Рушродо* досл. 'род (старейшины одноименного клана) Руш' (с. 20—21). Одновременно в марийскую антропонию стали просачиваться русские и славянские имена: *Бажен*, *Богат*, *Богдан*, *Болван*, *Буслай*, *Гагарин*, *Добрай*, *Добрыня*, *Дорогин*, *Дружинка*, *Замятня*, *Ждан* и т.д., позднее значительное место в ней заняли христианские имена *Васька*, *Ивашка*, *Емелька*, *Макар*, *Сидор*, *Пашка*, *Петрунка*, *Микитка* и др. (с. 21). Антропонимическая система, как правило, имеет социальный характер и ее развитие во многом зависит от исторических условий. Сосредоточив внимание на отдельных фрагментах истории, С. Я. Черных подметил, что в Среднем Поволжье при Петре I началась насильственная христианизация. Насажение чуждой религии было серьезным покушением на складывавшиеся тысячелетиями духовную культуру, быт и традиции марийцев с их языческими верованиями, что заставило их бежать в Предуралье и обосноваться в регионе реки Белой (с. 21). Однако при этом следует уточнить, что миграции марийцев из Среднего Поволжья в Прикамье и Приуралье происходили главным образом начиная со второй половины XVI по середину XVIII века и были своеобразной формой протеста, реакцией на правительственную политику социального, национального и религиозного угнетения (Сепеев 1975 : 12—13). Далее С. Я. Черных справедливо отмечает, что первую половину XVIII века можно назвать переломным временем, поколебавшим старую марийскую антропонимическую систему, основанную на национальных и древних финно-угорских традициях, обогащенных иранскими и тюркскими элемен-

тами (с. 21). Приток христианских имен усилился после официального утверждения христианской религии в XVIII веке, что явилось и толчком для вытеснения старых языческих имен. Взаимопроникновение языческих верований и норм христианской религии привело к возникновению и распространению своеобразного религиозно-мифологического мировоззрения, т.н. двоеверия. Оно выражалось и в том, что одно и то же лицо нарекалось двумя именами — нехристианским, мирским — давалось по марийской традиции обычно при рождении; христианским, получаемым официально при крещении, чаще всего в честь почитаемого церковью святого. Но было немало и людей, имевших третье имя — прозвище, которое характеризовало человека по внешности, особенностям характера, происхождению и т.д. (с. 21—22).

Новый, послеоктябрьский век (с 1917 года — по настоящее время) — в названии этого отрезка времени следовало бы заменить «век» словом «период». После Октябрьской революции в течение всего XX века идет процесс коренного изменения и обновления марийской антропонимии: старинные имена языческой эпохи постепенно выходят из употребления; календарные имена, пришедшие через русский язык, не имеют ярко выраженной архаичности и относятся к устойчивому фонду антропонимов; в молодежной среде часто встречаются европейские, интернациональные имена (*Аида, Альбина, Венера, Эльвира* и др.). В этот период в антропонимической системе появляются новации, связанные с коммунистической идеологией, например, имена *Владлен, Новомир, Шемер, Эвелина, Альверина* — композита из трех имен: *Аля, Вера, Инна* (с. 22).

Несколько слов о построении словаря. Основное место в нем занимают ныне забытые, редкие, устаревшие имена языческих времен. Их отличие от календарных антропонимов, как разъясняет С. Я. Черных, состоит в том, что в течение многих веков они бытовали в устной форме и были зафиксированы лишь в документах переписей XVII—XIX веков (с. 22).

Словарную статью открывает начальная форма имени, затем следуют производные, выступающие в большинстве случаев как ее варианты.

Для объяснения смыслового содержания имени автор привлекает созвучные

слова из многих языков, даже далекие друг от друга по семантике и не имеющие генетических связей. Поэтому в словаре можно найти немало имен, ближайшими соответствиями которых выступают гетерогенные омонимы. Так, антропоним *Табанай*, имеющий фонетический вариант *Таванай*, сопоставляется с марЛ *таван* 'полоз у саней'; марГ *таван* 'клочковатый'; чув. *тáван* 'родственник, родня; родной, близкий' (с. 425). Семантика мужского личного имени *Айдуш* с вариантом *Айтуш* интерпретируется посредством апеллативов: тюрк. *ай* 'луна' и *дус* 'приятель'; перм. *айы* 'самец'; мар. *туш*; коми *тусь* 'семя, ядро, зерно' (с. 44). Препозитивный компонент *тул* антропонима-композита *Тулпатыр* сопоставляется с ур. **tulg* 'огонь' и монг. *тулээ* 'дрова'. Не совсем понятно, почему в одном ряду с древним значением ур. **tulg* оказались его семантические новообразования 'костер, свет' (с. 484), возникшие на почве марийского языка.

Естественно, такой подход к этимологическому комментарию значительно снижает достоверность семантической реконструкции и накладывает ограничения на объем словаря. Целесообразнее было бы привести наиболее выразительные изогlossы или наиболее вероятные лексические соответствия.

Рассматривая имя собственное *Кокша*, С. Я. Черных обращает внимание на то, что названия городов *Кокшайск* и *Царевкокшайск* вплотную связаны с этнонимом древнемарийского племени *Кокша* (с. 229). Однако такое объяснение астионимов имеет много изъянов и слабых мест. В действительности в основе их названий лежит гидроним *Кокша*. Что касается микроэтнонима (названия племени) *Кокша*, то он является отгидронимным. Примеров этому много и в других языках. Да и составитель словаря сам склоняется к такой мысли. Так, рассматривая антропоним *Ошла*, он отмечает, что *Ошла марий* — марийцы, живущие в бассейне р. *Ошла* (с. 322).

Спорными остаются объяснения смыслового содержания многих антропонимов. Так, имя собственное *Сурин* этимологически связывается с апеллативом *сури* 'трутень, самец в пчелиной семье' (с. 422). Однако *Сурин* является отгидронимным, ср. *Сура* (мар. *Шур*) + суффикс рус. *-ин*, образующий имя существительное, обозначающее лиц мужского пола по месту жительства. Об этом свидетельствует паспор-

тизация имени, см. Козьмодемьянский уезд, д. Б. Шудермар, 1747 (с. 422) (марГ 'присурские мари' Шудермар). Ср. также фамилии, образованные от названий рек: *Болгин, Пэнзин, Кáмский, Нévский*.

Языковая принадлежность некоторых слов требует уточнения или даже пересмотра. Так, к разряду исконно марийских слов отнесены следующие тюркские апеллятивы, лежащие в основе собственных личных имен (приводятся лишь некоторые): *Аланай* — мар. *алан* (генитив от *ал* 'сила, мощь') (с. 56); *Ведагоза* — древнемар. *веда* 'вода' + *гоза* = *хоза* 'хозяин', что значит 'хозяин воды, реки' (с. 103); *Емезя, Емзи* — мар. *емьж* 'ягода, плод растений и кустарников; овош; фрукт' (с. 128); *Ешигит, Ешигыт* — древнемар. *еш* 'семья' + *йыгыт* 'парень, юноша' (с. 146); *Ешсара* — древнемар. *еш* + *саре* 'желтый', что значит 'желторотый, зеленый, молодой' (с. 149); *Калтан* — древнемар. *кал* 'сила, мочь' + *тан* 'подруга, милая' (с. 193); *Коза, Козя* — марГ *хозя* 'хозяин' (с. 226); *Кунаш* — мар. *кун* 'толк, порядочность' + *аш* (суффикс), что значит 'умный, с головой' (с. 246); *Пайрам* — мар. *пайрам, пайрем* 'праздник, праздничный' (с. 330); *Патыр* — древнемар. *патыр* 'богатырь, силач, герой' (с. 341); *Посан, Посанай, Посанак* — мар. *посана* 'свояк, свойственник' (с. 372); *Саман* — мар. *саман* 'условия жизни, жизненные обстоятельства' (с. 394); *Саска* — мар. *саска* 'плоды, ягоды, фрукты; надземная часть овощей, ботва, паслен; цветок' (с. 401); *Сесевий, Сесей* — древнемар. *сöса* 'кисть, бахрама' (с. 408)¹.

При реконструкции первоначального значения имени собственного приходится учитывать все имеющиеся диалектные данные, поскольку лексика литературного языка не всегда предоставляет нужные сведения. Недооценка этого положения может привести к односторонней формулировке или даже к неверной интерпретации. Так, семантика мужского имени *Латан* объясняется автором словаря как 'имеющий кров, крышу; домашний' (с. 256), однако в марийских диалектах *латан* имеет значение 'толковый'.

При наличии омонимии и полисемии на пути реконструкции первоначальной семантики имени могут встретиться серьезные

трудности, преодоление которых невозможно без просеивания всех омонимов и полисемантических слов через понятийное сито. Такая процедура позволяет выбрать в смысловых блоках лексемы нужное значение и дополнить его диалектным содержанием. В противном случае, несмотря на значительное количество сопоставляемых лексем, исходная семантика останется нераскрытой. Так, для объяснения смыслового содержания имени *Коштан* автор словаря приводит следующие слова: 1. мар. *коштан* 'своевольный, своекорыстный, себязлюбивый'; 2. удм. *коштан* 'шеголь, модник'; 3. чув. *куштан* (сундырское *коштан* — А.К.) 'мироед, кулак; крикун, горлопан; шеголь' (с. 238). Руководствуясь его соображениями, этот далеко не полный перечень можно увеличить. Наиболее ярким примером здесь является чув. диал. *куштан* 'проворный', приведенное Л. П. Сергеевым в «Диалектологическом словаре чувашского языка» (Чебоксары 1968, с. 36). Рус. диал. (вост. говоры) *коштан* 'мироед, живущий на мирской кошт, счет', по предположению В. Даля, этимологически связано с чувашским или пермяцким словом (см. В. Д а л ь, Словарь живого великорусского языка, т. 2, Москва 1981). В. Даль приводит и такие значения этой лексемы: 'ходатай по мирским делам, ходок; горлан и коновод на сходках; плут и обманщик, ябедник, пролаз и тяжбник' (с. 183). Какое из указанных значений лежит в основе имени, решить трудно. Ответ на этот вопрос может дать, вероятнее всего, мар. диал. *коштан* 'капризный'. Предположение оправдывается тем, что имена отражали также какие-то черты младенца, присущие именно ему.

Для определения мотивирующего признака (значения) имени в словаре приводятся соответствия из уральских языков. Между тем значительное количество слов родственных языков дано в искаженном виде, например, венг. *feri* (с. 351) вместо *férj* 'муж, супруг', *pillere* (с. 359) вместо *pillér* 'опора, устой', *foldos* (с. 369) вместо *foltos* 'заплатанный, в заплатках; пятнистый, в пятнах', *tenyészni* (с. 448) вместо *tenyészni* 'расти, произрастать; перен. гнездиться, процветать (о суевериях и т.п.)'; эст. *saleda* (с. 390) вместо *sale* 'строитель'; фин. *perija* (с. 351) вместо *perijä* 'наследник' и т.д. Встречаются и неточности в переводах. Так, эст. *parima* переведено как 'наследовать' (с. 338), однако данное значение в эстонском языке имеет слово *pärima*, а

¹ Сравните их тюркские соответствия в книге М. Р. Федотова «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи» (Саранск 1990), с. 186, 207, 215—216, 220—221, 233—235, 239, 241—242, 260, 269.

parim, -а переводится как 'самый лучший, наилучший'. Венг. *szemet* 'ягода (входящая в гроздь)' (с. 405) — в действительности *sze-mét* имеет следующие значения: 1. мусор, сор; 2. помойка; мусорная куча; мусорная яма; 3. подонок; 4. отбросы, отребье.

Касаясь упомянутых Г. Миллером («Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как-то: черемись, чувашь и вотяковъ, съ показательствомъ ихъ жительства, политическаго учреждения, тѣлесныхъ и душевныхъ дарованій и проч.» (С.-Петербургъ 1791)) марийских антропонимов. С. Я. Черных несколько искажил название книги.

Несмотря на отмеченные неточности, дополнения и поправки, а также замечания теоретического характера, очевидно, что рецензируемый словарь представляет собой значительное явление в марийской лексикографии. Он содержит ценный материал об особенностях марийских личных имен. Поэтому с уверенностью можно сказать, что словарь войдет в научный обиход как лексикографический источник при исследовании проблем исторической ономастики, ономастиологии, семантики, решение которых нельзя откладывать в долгий ящик ввиду их важности для уралистики.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

З. Кротов, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1995 (серия «Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие»). 308 с.

Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук в серии «Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие» в 1995 году выпущен рукописный двуязычный удмуртско-русский словарь Захария Кротова (1785 г.), содержащий около 5000 слов.

Словарь опубликован на основе копий путем двойного ксерокопирования и ретуширования. В свое время эти копии были любезно предоставлены институту кандидатом филологических наук Т. И. Тепляшиной, которая будучи старшим научным сотрудником сектора финно-угорских языков Института языкознания АН СССР (ныне РАН), в течение нескольких лет изучала памятники удмуртской письменности XVIII века.

Книга открывается «Словом от автора» (отв. редактор Л. Е. Кириллова), где вкратце описываются мотивы, которыми руководствовался автор, приступая к составлению словаря — к такой кропотливой и ответственной работе.

Члены редакционной коллегии сочли целесообразным включить в книгу статью Т. И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова», хотя согласны и не со всеми положениями этой статьи. Т. И. Тепляшина проводит тщательный анализ словаря, рассматривает основы графики, фонетические и лексические его особенности.

Далее помещен собственно «Краткой вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ». Как уже отмечено, в словаре около 5000 слов, он состоит из 286 пронумерованных страниц. Слова расположены в два столбца.

В рукописи имеется небольшое предисловие, в котором для лучшего ознакомления с грамматическим строем удмуртского языка предлагается обратиться к книге «Сочинения принадлежащая к грамматикѣ вотскаго языка» (1775 г.). В предисловии указывается также, что если в грамматике «вотскаго» языка (1775 г.) «найдутся правила мало сходные или совсем несходные, то причиною тому явится по разности мест вотяков наречие». Это замечание дает повод полагать, что составителю рукописи были известны данные разных удмуртских диалектов, поэтому не приходится удивляться наличию некоторых южноудмуртских слов в рукописном словаре, отражающем главным образом северноудмуртский диалект.

В словаре З. Кротова составитель отмечает принадлежность слова к той или иной части речи. В большинстве даны глаголы и существительные или субстантивированные слова. Глаголы приводятся в форме первого лица единственного числа, рядом указывается спряжение: первое и второе. Принцип отношения к тому или иному спряжению вы-